

НАУЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

УДК 81'1

DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.12

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ ЖЕЛАНИЯ В ЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

CONCEPTUAL SITUATION OF DESIRE IN LOGICAL ASPECT

Елена Владимировна Алтабаева
Российский государственный аграрный университет —
МСХА им. К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

Elena Vladimirovna Altabaeva
Russian Timiryazev State Agrarian University,
Moscow, Russia

Аннотация

В работе представлен анализ логической природы ситуации желания для выявления форм мысли, соотносимых с этой ситуацией, и ее концептуальной специфики. Соответствующий концепт с позиций логики рассматривается как концептуально-логическая основа категории оптативности. Выявлена специфика мира желаний как одного из «иных» миров, в основе которого лежит виртуальный нерасчлененный концепт, не имеющий реального референта во внешнем мире, но обладающий двойной обращенностью. Установлено, что оценочный компонент входит в структуру оптативной ситуации, ирреальной по своей природе.

Ключевые слова: языковая личность, логика, ситуация желания, концепт, категория, оценка.

Abstract

The main objective of this paper is to analyze logical nature of desire situation to reveal the forms of thought, related to this situation, and its conceptual specific character. The appropriate concept from a logical standpoint is considered as conceptual and logical base of the category of optation.

In the course of the research, we discovered that sentences with semantics of desire cannot be solely qualified by modal logic according to the type of assessment due to the originality of the concept, which we are researching, and the modal semantics of the same name. Epistemic modality is most close to optation when determined by the following factors of non-logical order, which are not always acknowledged or controlled by the subject: habits, inclinations, and preferences. We cannot deny a certain connection between desire and ability, necessity and, especially, incentive. The commonality of logical (notional) part of the appropriate concept and content of assessments, different in ontological sense, may be explained from positions of semantics of the “possible worlds” and can be determined by the relationships between the sphere of the speaker’s desire and objective reality, between the “Me — world” and the “non — Me world” (we imply the individual’s reaction to different things, phenomena or events (both real and virtual) in the form of their comparison, their positive evaluation and applying them to ourselves).

We revealed the specifics of the world of desires as one of the “other” worlds, which is based on the virtual indiscrete concept, which has no real reference in the outside world, but has two addressees: the outside world, on the one hand, and some possible world, on the other hand. Moreover, desires are one of the types of assessments and this way they are found outside of category of truth, but correlate with value assessments as special assessments about fragments of a possible, another world, positively valued and desired by the subject. The evaluation component is part of the structure of optative situation. We conclude that the object of desire can be only an unreal situation: the desire of the subject for something that he doesn’t have at the present moment, even if this is about preserving and maintaining the desired situation in the future. The question of the degree of controllability/uncontrollability of desire should not be considered resolved.

Key words: language person, logic, situation of desire, concept, category, value.

Вводные замечания (цель, материал исследования). Современную науку отличает понимание значимости «человеческого фактора» в изучении языка и признание его важнейшим условием объективного и всестороннего языкового анализа [Караулов 1987: 2010]. Антропоцентричность языка и приоритет языковой личности выступают определяющим началом при исследовании различных знаний и представлений говорящего об окружающей действительности и его проявлений в речевой коммуникации. Наряду с этим следует учитывать, что «представления говорящего о “картине мира”, необходимые для речи и реализующиеся в ней, <...> нередко существенно отличаются от объективных свойств предметов, явлений и отношений внешнего мира и от научных представлений о них

<...> Во всех случаях имеются в виду не индивидуальные представления говорящего, а “типизированные представления”, заключенные в значениях языковых единиц и их сочетаний» [Бондарко 1996: 13–14].

Для целостного, системного осмысления категорий естественного языка важен как когнитивный подход к ним, раскрывающий механизмы их формирования и функционирования, так и анализ логической интерпретации данных категорий и лежащих в их основе концептов в мыслительной деятельности говорящего. Степень важности такого анализа определяется необходимостью возможно более широкого описания соответствующего фрагмента картины мира и его отражения в языке в результате мыслительной деятельности. Насколько привлечение информации из различных смежных областей знания позволяет снабдить то или иное описание необходимой объяснительной силой, настолько обращение к логическому аспекту исследуемого явления дает возможность сформулировать и обосновать ряд постулатов относительно категориального устройства языка и концептуальной природы языковых категорий на конкретном материале. В настоящее время уже не вызывает сомнения утверждение о том, что в основе формирования языковых категорий как особого формата знания о мире находятся те или иные концепты [Болдырев 2006: 5], а «онтология мира отражена в нашем сознании в виде определенной организации как системы категорий», выступающих ведущим способом познания мира [Болдырев 2014: 125].

Методология исследования. Мышление, играя в процессе познания ведущую роль, как известно, выступает связующим, объединяющим звеном между внеязыковой действительностью — объектом познания, языковой личностью — субъектом познания и языком — орудием познания. Показать отображение в языке того или иного объекта возможно только через познание закономерностей и форм отображения его в человеческом сознании. Концептуальный анализ логической природы ситуации желания с целью выявления форм мысли, соотносимых с этой ситуацией, и когнитивной специфики последней составляет основную задачу данной работы. Рассмотреть концепт *желание* с позиций логики как науки «об общезначимых формах и средствах мысли, необходимых для рационального познания в любой области знания» [ФЭС: 315] означает осмыслить его сущность как концептуально-логическую основу категории оптативности. Заметим, что об оптативности как о самостоятельной категории стало возможным говорить, начиная с периода обращения к функционально-синтаксической стороне этого явления в связи с развитием учения о модальности предложения [см. подробнее Алтабаева 2017: 10–32].

Характерное для классической формальной логики наличие целого ряда направлений и теорий, с разных позиций изучающих способы рассуждений, является, по сути, логической реализацией методологических

подходов к познанию в науке — от аристотелевской силлогистики, ядра традиционной логики, до современных теорий алгоритмов [ФЭС: 315]. Именно поэтому рассмотрение логической природы желания целесообразно связать с определением места одноименных суждений в системе одного из направлений — модальной логики, во-первых, и с преподнесением интересующего нас объекта в русле логического анализа языка (см. исследования проблемной группы «Логический анализ естественного языка» под руководством Н. Д. Арутюновой), во-вторых. Иными словами, для решения нашей задачи следует поставить вопрос о месте, которое занимают суждения и/или предикаты желания в сфере логической модальности.

Основные результаты исследования. Суждение как форма мышления содержит как основную информацию (о предметах, их признаках, наличии / отсутствии связи между ними и т.п.), так и дополнительную (об особенностях связи между предметами и признаками, степени обоснованности суждения, о его регулятивной, оценочной, временной и других характеристиках). Эта дополнительная информация и представляет собой модальность суждения. Различающиеся по типам информации модальности изучаются такими разделами логики, как «логика норм», «логика оценок», «логика времени». В зависимости от характера информации и типового содержания суждений традиционно различаются алетическая, эпистемическая и деонтическая модальности.

Специфика семантики оптативности порождает, как показывают наблюдения, неоднозначность квалификации ее по типу суждения в модальной логике. Так, формируемую концептом *желание* информацию нельзя с достаточным основанием отнести к какому-либо из трех типов логической модальности, поскольку ее содержание не вписывается ни в одно из толкований этих типов, что еще раз свидетельствует о принципиальном своеобразии данного концепта и одноименной модальной семантики.

Как справедливо отмечают ученые, языковую модальность «нельзя классифицировать с позиций логической модальности, но неправомерно и отрывать ее от модальной логики» [Немец 1991: 21]. Так, категориальная семантика оптативности вряд ли полностью соответствует содержанию понятий необходимости и возможности (алетическая модальность), степени достоверности (эпистемическая модальность) и побуждения (деонтическая модальность). Но в то же время нельзя отрицать определенной взаимосвязи желания с возможностью, необходимостью и особенно побуждением. Наиболее близка к желательности эпистемическая модальность в той своей части, которая обусловлена факторами внелогического порядка, не всегда осознаваемыми и контролируемыми субъектом — привычками, склонностями, предпочтениями. Соответственно, те эпистемические предикаты, которые служат для описания суждений о будущем

(предполагаемом, возможном и т.д.), являются переходным типом от эпистемических предикатов к волитивным (см.: [Шатуновский 1989: 156]).

В данном случае появляются основания говорить об общности логической (понятийной) части соответствующего концепта, памятуя о том, что выделяют также и образную, и символическую его составляющие [Колесов 2004: 68–70] с содержанием основных типов логической модальности. Эта общность разных в онтологическом смысле суждений может быть объяснена с позиций семантики «возможных миров». Логические возможности как альтернативы действительному миру в равной степени релевантны для суждений всех типов. В то же время она может определяться особенностями взаимоотношений между областью желаний говорящего и объективной действительностью, между миром «Я» и миром «не-Я». В основе мира желаний как одного из возможных «иных» миров лежит, можно сказать, виртуальный нерасчлененный концепт, не имеющий реального референта во внешнем мире. Идея иных миров, витавшая еще у Д. Скотта и Г. В. Лейбница в виде вариантов беспредельного набора миров, сотворенного Божественным разумом, получила свое осмысление и развитие в работах, С. Крипке, С. Кангера, П. Сталла, Я. Хинтики, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, Р. Монтегю, Дж. Рассела, Вяч. Вс. Иванова, А. Прайора, С. А. Мередита, И. Томаса и других современных философов. Современная наука под «иными мирами» понимает «ментальные пространства языка, в сфере которых в разной степени реализуется возможность бытования или совершения тех или иных действий» [Бабушкин 2001: 18]. В мире желаний такая возможность реализуется в плане выделения субъектом некоей потенциальной ситуации как желаемой и предпочтения ее прочим.

Идея возможных миров оказывается весьма важной для осмысления концептуальной сущности желания. Понимая возможные миры как мыслимые альтернативные состояния, Лейбниц разграничивал необходимо истинное как имеющее место во всех возможных мирах и случайно истинное как имеющее место только в некоторых из них. С опорой на учение Лейбница Р. Карнапом было уточнено представление о сущности категории модальности и о возможных мирах через понятие «описание состояния». С. А. Крипке рассматривал «возможные миры» как абстракции возможных состояний реального мира [Крипке 1986: 241]. Очевидно, что бытие желаний личности самым непосредственным образом связано с возможными мирами как некими положениями дел, ситуациями ценностного предпочтения, ориентированными на субъекта, его состояния, представления, восприятия.

Мыслимая ситуация, интерпретируемая в индивидуальном сознании как желательная для субъекта, благодаря его когнитивной деятельности и особенностям языкового воплощения, предстает в виде некоего поло-

жения дел, создающего пропозициональное содержание высказывания. Необходимыми параметрами для описания всякого положения дел служат бытийность, соотношенность с действительностью, экзистенциальная и модальная оценки. При описании желаемого положения дел все названные параметры получают маркировку потенциальности и позитивной оценочности: *Выглянуло солнце — Вот бы выглянуло солнце (хочу, чтобы выглянуло солнце) —* или: *Солнце — Солнца бы.*

Специфика отображения желаемого определяется многоплановым взаимодействием сознания индивидуума с внешним миром, и это взаимодействие, по нашему мнению, выступает в качестве основы и первопричины возникновения всех без исключения желаний и желаемых ситуаций. Под взаимодействием нами подразумевается реакция индивидуума на те или иные предметы, явления или события в виде их сравнения, оценки и «приложения, примеривания» к себе. Причем помимо реальных предметов, явлений и событий объективной действительности в этом процессе могут участвовать и виртуальные предметы, явления, события, наполняющие мир желаний языковой личности.

Следует подчеркнуть особую сложность логической интерпретации концепта *желание*, состоящую, по нашему мнению, в том, что желания связаны с внешним миром и его проявлениями, с одной стороны, и в то же время существуют как альтернатива ему, пребывая, по существу, в пределах какого-либо из возможных миров. Исполнить желаемое — значит отождествить идеальное бытие, мыслимую ситуацию с реальным бытием, конкретным событием. Причины такой «двойной обращенности» концепта следует искать, как нам представляется, в оценочной природе логики желаний, во-первых, и в многоплановости понятия самой модальности. В зоне модальности можно выделить, по меньшей мере, два основных понятийных плана — это оценочность и ирреальность.

Значения ирреальной модальности предназначены для описания ситуаций из возможных, альтернативных миров. В число этих значений классической логикой включаются значения необходимости и возможности. Если считать значение желания ирреальным (хотя оно и занимает особое положение) и независимым от других значений, то «более предпочтительной является такая классификация, при которой сфера ирреальной модальности делится на сферу возможности / необходимости и сферу желания, обладающие значительной семантической самостоятельностью и не сводимые друг к другу» [Плунгян 2000: 309]. Отличие желания от возможности / необходимости, являющихся также принадлежностью ирреальной модальности, в том, что оно объединяет в себе значения ирреальности и оценки.

Не случайно логическая основа желаний с позиций модальной логики заключается в том, что они являются одним из видов оценок и тем самым

находятся вне категории истины, так как «те оценки, которые ничего не утверждают и служат простыми словесными выражениями чувств, являются субъективными и лишены истинностного значения» [Ивин 1970: 46].

В связи с вышеизложенным следует обратиться к рассмотрению структуры оценки. Традиционно в структуре оценки выделяются следующие компоненты: субъект оценки, предмет оценки, характер оценки, основание оценки [Ивин 1970: 123]. Для желаний релевантными являются первые два компонента — субъект и предмет оценки.

Действительно, оценка изначально персонифицирована: она принадлежит определенному субъекту, который является автором оценки, а в нашем случае — носителем и выразителем желания как результата оценивания.

Предметом оценки, по мнению А. А. Ивина, является какое-либо состояние — сущность статическая. Полагаем, что едва ли целесообразно настолько сужать границы предмета (объекта) оценки, ведь под этим элементом оценочной структуры может подразумеваться не только состояние, но и «лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка» [Вольф 2002: 12].

По характеру оценки подразделяются на абсолютные и относительные. Очевидно, что оценочный компонент концепта *желание* должен иметь относительный характер уже в силу индивидуализированности желаний, во-первых, и по причине отсутствия у них истинностных значений, во-вторых.

По мнению Н. Д. Арутюновой, основаниями (мотивами) для оценки выступают критерии конкретного употребления оценочных предикатов, являющиеся достаточно нечеткими. «Между тем сами принципы выбора критериев могут быть установлены с достаточной степенью определенности. Они в большей мере зависят от принципов выделения классов объектов. Определяя критерии (основания, мотивы) применения оценок к тем или другим классам объектов, исследователь осуществляет концептуальный анализ. Последний неотделим от таксономии оценок» [Арутюнова 1999: 184]. Е. М. Вольф обращает внимание на то, что оценка основывается на тех стереотипах, с которыми она связана в социальных представлениях говорящих [Вольф 2002: 12].

Для желаний, не обладающих истинностными значениями, каких-либо общих и четких оснований существовать не может, поскольку желание принадлежит субъекту, точка зрения которого не предсказуема заранее (релятивизация оценки — желания). Видимо, основания желаний будут различаться в зависимости от категорий объектов желания и отношения к ним субъекта. Таким образом, установление таксономии объектов желания неизбежно оказывается связанным с таксономией ценностей.

Безусловно, в естественном языке оценочная структура представлена более сложно, нежели в логическом представлении, и включает факульт-

тативные элементы, но в целом элементы оценки в логике и в языке соотносительны.

Интересен вопрос о характере различий между ценностными и оптативными (назовем их так) суждениями. Ценностные суждения — это суждения о фрагментах объективного мира. Оптативные суждения — это суждения о фрагментах возможного, иного мира как желаемых для субъекта и позитивно им оцениваемых. Как видим, желания представляют собой совершенно особый вид оценки, точнее, оценочный компонент входит в структуру оптативной ситуации.

Действительно, с точки зрения логики желание предполагает наличие причинно-следственной связи между субъектом и предикатом, обуславливающей употребление оценок применительно к области воображаемой действительности, так как нельзя желать то, что есть. Именно поэтому всякое желание направлено в будущее, на что указывали Аристотель, а позже Спиноза, Декарт и многие другие философы.

А. А. Ивин утверждает, что «желать можно лишь тех вещей, которые отсутствуют, и невозможно желать то, что уже имеется» [Ивин 1970: 123], то есть объектом желания может быть только ирреальная ситуация. Этот тезис, по мнению И. Б. Шатуновского, нуждается в уточнении, для чего он апеллирует к Сократу, предположившему, что можно желать в будущем сохранения того, что имеется теперь.

Иными словами, желать можно и того, чего не имеет субъект, но и того, что он имеет. Поэтому «в уточненном виде положение об ирреальности желаемого будет выглядеть так: невозможно в момент t_1 желать иметь в момент t_1 то, что имеешь в момент t_1 (но можно в момент t_1 желать иметь в момент t_2 ($t_1 \neq t_2$) то, что имеешь в момент t_1)» [Шатуновский 1996: 293].

По нашему мнению, приведенное уточнение само нуждается в корректировке. Полагаем, что P как объект желания никогда не является и принципиально не может являться принадлежностью говорящего, даже если речь идет о желании сохранить P в будущем при обладании P в момент речи.

Утверждать обратное можно было бы только в случае признания, что желаемое P в момент t_1 и его продолжение в момент t_2 — одно и то же. Однако P в момент t_2 отличается от P в момент t_1 тем, что в момент t_2 субъект не обладает P , то есть не имеет желаемого. Поэтому не важно, обладает ли субъект P в момент t_1 или нет, главное, что он, не обладая P в момент t_2 , желает этого. Тем самым меняется акцент: если в случае отсутствия желаемого в момент t_1 субъект желает его наступления в момент t_2 , то при обладании P в момент t_1 субъект желает продолжения P и сохранения его в момент t_2 . Но этим продолжением субъект в момент t_1 не обладает, следовательно, и желает того, чего не имеет в настоящий момент,

поскольку продолжение Р есть новое желание с несколько иным, как мы показали, объектом.

Диалектика желаний в том, что, получая или испытывая желаемое, человек начинает желать чего-то другого, в том числе и продолжения желательной для него ситуации, а это уже другая ситуация. Р в t_1 и Р в t_2 — не одно и то же. Продолжение Р не есть Р, в силу чего тезис о желании субъектом того, чего у него нет в настоящий момент (Аристотель, Спиноза, Декарт и др.) сохраняет правомерность при иллюстрации постулата об ирреальности желаемого.

В числе базовых признаков ситуации желания, наряду с ирреальностью объекта желания выделяются еще два: оценочность (субъект оценивает Р как объект желания) и неконтролируемость, произвольность возникновения желаемого Р [Шатуновский 1996: 293, 295]. При этом автор подчеркивает, что у интенциональных предикатов желания «в коммуникативном фокусе (ассертивной части) их значения находится только один компонент — “оценка”», а в предложениях желания в целом в коммуникативном фокусе может быть и Р как объект желания [Шатуновский 1996: 296]. Стало быть, только оценочный компонент ситуации желания может подвергаться отрицанию.

Немаловажно установить, в какой именно логической системе целесообразно анализировать ситуации желания — в пределах логики высказываний или же в логике предикатов. Принятый в современной логике язык логики предикатов различает имена предметов, имена свойств и предложения как основные семантические категории. В этой системе наиболее отвечает содержанию концепта *желание* группа интенциональных предикатов, среди которых, безусловно, выделяются собственно предикаты желания хотеть¹ и желать. При этом в кругу интенциональных предикатов следует разграничивать хотеть¹ как предикат желания, относимый непосредственно к концепту *желание*, и хотеть² как предикат намерения, относимый к другому концептуальному пространству — *воле*.

Несомненно, что желание и воля теснейшим образом взаимосвязаны, и это прослеживается не только в философской традиции, но и в логических изысканиях. Так, по поводу контролируемости / неконтролируемости желания и воли существует мнение о полной подчиненности желания человеку и определенной зависимости воли от желаний субъекта: «мы есть действующая причина наших желаний»; «наши действия и наши желания всецело зависят от нас. Верно то, что мы не бываем непосредственно хозяевами своей воли, хотя мы и являемся причиной ее, потому что мы не избираем наших желаний, как избираем наши действия посредством мощи наших желаний. Тем не менее мы обладаем и некоторой властью над нашей волей, потому что можем косвенно способствовать тому, чтобы желать в другое время того, чего мы хотели бы желать теперь...» [Лейбниц

89: 333]. Эти замечания важны для понимания Лейбницем свободы воли как проявления, исключающего логическую и метафизическую необходимость [Лейбниц 89: 325]. Таким образом, и воля, и желание в той или иной степени подвластны человеку. Тем самым вопрос о неконтролируемости желания не стоит считать до конца исчерпанным.

Итак, анализ логической интерпретации ситуации желания позволяет сделать следующие **выводы**.

Для концепта *желание* характерна «двойная обращенность» его: к миру внешнему и одному (в каждом конкретном случае) из возможных миров, — связанная с оценочной природой логики желаний, поэтому в желании объединяются значения ирреальности и оценочности.

Предложения с семантикой желания не поддаются однозначной квалификации в модальной логике по типу суждения в силу принципиального своеобразия исследуемого концепта и одноименной модальной семантики. Общим элементом логического содержания предложений желания и основных типов суждения является релевантность для них семантики возможных миров как альтернативы действительному миру. В логическом аспекте желания представляют собой особый вид оценки, при котором оценочный компонент входит в структуру оптативной ситуации.

Логические основания данного концепта обнаруживаются скорее в логике предикатов, нежели в логике высказываний — в системе интенциональных предикатов. Ситуациям, в которых используются интенциональные предикаты желания, присущи следующие признаки: ирреальность как желание того, чем не обладает субъект, и как невозможность желания того, чем обладает субъект; оценочность (с возможностью отрицания в коммуникативном фокусе, совпадающем с оценочным компонентом); контролируемость или неконтролируемость желания (вопрос остается дискуссионным). Решение вопроса о степени произвольности желаний тесно увязывается с проблемой соотношения воли и желания, по-разному представленной в известных логико-философских концепциях.

Кроме того, представляется значимым дальнейшее исследование логического аспекта желаний, а именно — определение места предложений желания в системе модальной логики для установления более четких когнитивных оснований ситуации желания и специфики соответствующего концепта.

Литература

Алтабаева Е. В. Категория оптативности в современном русском языке. Москва: МГОУ, 2002. 232 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва: Языки русской культуры, 1999. 895 с.

Бабушкин А. П. Сослагательное наклонение как «окно» в иные миры // Вестник Воронежского ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. 1. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 17–22.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика / Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 2-е изд. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. Москва: Эдиториал УРСС, 2002. 280 с.

Ивин А. А. Основания логики оценок. Москва: МГУ, 1970. 230 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука, 1987. 261 с.

Колесов В. В. Концепт культуры: образ, понятие, символ // Слово и дело: Из истории русских слов. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2004. С. 57–72.

Kripke S. A. A Problem in the Theory of Reference: the Linguistic Division of Labor and the Social Character of Naming // Philosophy and Culture (Proceedings of the XVII World Congress of Philosophy). Montreal: Editions Montmorency, 1986. P. 241–247.

Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. Москва: Мысль, 1989. Т. 4. 554 с.

Немец Г. П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. Ростов-на-Дону: РостГУ, 1991. 187 с.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учеб. пособие. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

ФЭС — Философский энциклопедический словарь. Москва: Сов. энциклопедия, 1989. 816 с.

Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 400 с.

References

Altabaeva E. V. Kategoriya optativnosti v sovremennom russkom yazy'ke. Moskva: MGOU, 2002. 232 s.

Arutyunova N. D. Yazy'k i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. Moskva: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1999. 895 s.

Babushkin A. P. Soslagatel'noe naklonenie kak «okno» v inye miry // Vestnik Voronezhskogo un-ta. Ser. lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Vy'p. 1. Voronezh: VGU, 2001. S. 17–22.

Boldy'rev N. N. Kognitivnaya semantika / Vvedenie v kognitivnuyu lingvistikku: Kurs lekcij. Tambov: TGU im. G. R. Derzhavina, 2014. 236 s.

Boldy'rev N. N. Yazy'kovy'e kategorii kak format znaniya // Voprosy' kognitivnoj lingvistiki. 2006. № 2. S. 5–22.

Bondarko A. V. Principy' funkcional'noj grammatiki i voprosy' aspektologii. 2-e izd. Moskva: E'ditorial URSS, 2001. 208 s.

Vol'f E. M. Funkcional'naya semantika ocenki. 2-e izd., dop. Moskva: E'ditorial URSS, 2002. 280 s.

Ivin A. A. Osnovaniya logiki ocenok. Moskva: MGU, 1970. 230 s.

Karaulov Yu. N. Russkij yazy'k i yazy'kovaya lichnost'. Moskva: Nauka, 1987. 261 s.

Kolesov V. V. Koncept kul'tury': obraz, ponyatie, simvol // Slovo i delo: Iz istorii russkikh slov. Sankt-Peterburg: SPbGU, 2004. S. 57–72.

Kripke S. A. A Problem in the Theory of Reference: the Linguistic Division of Labor and the Social Character of Naming // Philosophy and Culture (Proceedings of the XVII World Congress of Philosophy). Montreal: Editions Montmorency, 1986. P. 241–247.

Lejbnicz G. V. Sochineniya: V 4 t. Moskva: My'sl', 1989. T. 4. 554 s.

Nemecz G. P. Aktual'ny'e problemy' modal'nosti v sovremennom russkom yazy'ke. Rostov-na-Donu: RostGU, 1991. 187 s.

Plungyan V. A. Obshhaya morfologiya: Vvedenie v problematiku: Ucheb. posobie. Moskva: E'ditorial URSS, 2000. 384 s.

FE'S — Filosofskij e'nciklopedicheskij slovar'. Moskva: Sov. e'nciklopediya, 1989. 816 s.

Shatunovskij I. B. Semantika predlozheniya i nereferentny'e slova (znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika). Moskva: Shkola "Yazy'ki russkoj kul'tury'", 1996. 400 s.

Сведения об авторе: Елена Владимировна Алтабаева; доктор филологических наук; профессор; Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К. А. Тимирязева; профессор; ORCID 0000-0001-6185-5801; bugaevaiv@rgau-msha.ru; сфера научных интересов: когнитивные исследования грамматики, синтаксис современного русского языка, лингвопоэтика, лингвокультурология.

The author's profile: Elena Vladimirovna Altaeva; Doctor of Philology; Professor; Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy; ORCID 0000-0001-6185-5801; bugaevaiv@rgau-msha.ru; research interests: cognitive grammar, syntax of modern Russian language, linguistics and poetics, linguistics and culturology.